

ЮБИЛЕЙ

Валентина ЛЕОНТЬЕВА:
"Руководство Первого канала
мне телефон подарило.
Еще какую-то еду притащили.
Назерное, Эрнст позвонит,
поздравит..."

Валентина Леонтьева пришла на телевидение, чтобы не умереть с голоду, и задержалась там почти на сорок лет. Она никогда не мечтала о дикторской карьере, однако жизнь распорядилась так, что Леонтьева стала примой советского телевидения. Ее называли баловнем судьбы. Она была любимицей у всего руководства Гостелерадио, ей посвящали стихи Булат Окуджава, Юрий Левитан восхищался ее умением грамотно слагать слова, она никогда не читала тексты по бумажке, а дети всего Советского Союза были буквально влюблены в ведущую "Спокойной ночи, малыши!" тетю Валю. Многие говорили, что Леонтьева в то время могла сколотить себе неплохой капитал, но все, что ей доставалось, она с легкостью отдавала друзьям и знакомым... Сейчас Валентина Михайловна с грустью вспоминает тот период. За последние десять лет этой женщине пришлось пережить не самые легкие времена. Сначала отстранили от эфира ее передачи, потом от нее отвернулись друзья, а в 1991 году Валентина Михайловна навсегда покинула телевидение.

Сегодня Валентине Леонтьевой исполняется 80 лет.

— Валентина Михайловна, вы пережили блокаду Ленинграда. Вам тогда было 16 лет. Какие воспоминания остались с того времени?

— Я стараюсь не вспоминать то время. Не хочу. Но то, что я пережила блокаду, означает: я стала человеком, я знаю, что такое настоящая боль.

— Во время войны вы топили печь книгами — не было дров, а ваш отец умер от истощения, потому что ему приходилось сдавать кровь, чтобы прокормить семью. Однако после всего пережитого вы не возненавидели немцев. Более того, в конце 40-х годов вы даже накормили пленного немца. Как объяснить этот поступок?

— Прежде всего они оставались для меня людьми. В стране стоял страшный голод, но, когда я увидела ТОТ голодный взгляд человека, поняла, что не могу оставить его без еды. Когда он снял варежки, у него оказались потрясающие интеллигентные, красивые руки с длинными пальцами. Я пригласила его к себе домой. Немец рассказал, что он пианист. Когда я стала его кормить, он спросил: "А как вы?" Я рассказала, что пережила блокаду. Тогда он отодвинул тарелку и ушел. Он не смог ничего есть. Через год он приехал ко мне с мамой. Его мама благодарила меня, а потом сказала: "Я очень хочу, чтобы вы стали его женой". Я отказалась. Еще не хватало мне за немца замуж выйти! Такие жизненные истории очень много дают.

— Вы закончили Школу-студию МХАТ. Однако выбор профессии сделали в пользу телевидения, а не театра...

— Я не собиралась делать выбор в пользу этой профессии. Просто я жила напротив того здания, где находилось телевидение. Я не знала, что такое дикторы, что такое эфир, камеры, — я ничего не знала. И совершенно случайно по радио я услышала, что на телевидение набирают дикторов. Я не хотела там работать, но подумала, что там мне заплатят хоть какие-то деньги. Ведь тогда моя семья голодала, как во время войны. На пробах я абсолютно не волновалась, потому что твердо знала, что никогда не останусь здесь работать. Просто в данный момент мне очень нужны были деньги. Нас отбирали известный педагог и диктор радио Ольга Высоцкая и Юрий Левитан. Когда подошла моя очередь, мне нужно было прочитать либретто "Лебединого озера". Но я подумала: какого черта я буду это все читать?! Я отложила листок с текстом в сторону и все рассказала своими словами. Члены отборочной комиссии обалдели, когда оказалось, что я умею так хорошо говорить. Так меня взяли "на роль" диктора.

— Но ведь вы не сразу заняли дикторское кресло?

— Какое-то время для меня не находилось места, и я работала помощником режиссера. Тогда я познакомилась с нашим руководителем Ираклием Андрониковым. У нас с ним сложились очень теплые отношения. Я помню, что у него сильно дрожали руки. Мне приходилось ездить с ним в Ленинград, чтобы кормить его с ложечки: самостоятельно он не мог есть... Я счастлива, что знала этого человека и смогла ему чем-то помочь.

— Какие требования предъявляли к дикторам? Наверняка макияж, прическа, одеж-

Г. КУЗЬМИНА

да должны были соответствовать тому времени?..

— О чем вы говорите?! Тогда ничего не было — ни причесок, ни одежды, ни макияжа. Все делали своими силами. Даже когда появились гримеры, я никогда не пользовалась их услугами. Я сама рисовала карандашом маленькие стрелки в уголках глаз, чтобы зритель понял, что у меня есть глаза. У меня ведь совсем маленькие глаза, ресниц вообще никаких нет...

— Тогда существовали только прямые эфиры, в записи программы не делали?

— Других возможностей в то время не было. — На ваш первый эфир пригласили англичанку с Би-би-си, которая плохо говорила по-русски. Вы сильно волновались, и это было заметно в кадре. После той неудачи вас даже хотели отстранить от дикторской работы?

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Все это вранье. Тогда вообще ходило много разных слухов. Однажды меня даже объявили агентом ЦРУ. Как выяснилось позже, слух сдуру пустили два молодых сотрудника с телевидения.

— Но все-таки перед своими первым эфиром вы волновались?

— Нет. Я никогда не волновалась и страха перед камерой не испытывала, потому что я не видела камер. Я смотрела и говорила в маленькое окошечко.

— Правда, что Левитан боялся телеэфира и во время вашего с ним интервью все время держал вас за руку?

— Да, это так. Вообще очень многие волновались, буквально тряслись на съемках и часто просили меня: "Сядьте со мной рядышком, дайте руку, пожалуйста".

— В конце 50-х годов слава дикторов телевидения была не меньше, чем у актеров?

— Это удивительно, ведь телевидение тогда только появилось, а актеры существовали уже много лет.

— Вас узнавали на улице?

— Конечно. Да и сейчас узнают. Помню, когда продукты выдавали по талонам, приходилось



ИТАР-ТАСС

отстаивать километровые очереди в магазинах. Когда меня узнавали, все время пропускали вперед: "Валю, это вы?! Что же вы стоите вместе со всеми?" — говорили в толпе. Мне всегда было неудобно, и я отказывалась, ведь рядом стояли пожилые люди. Однажды, во время такого спора, ко мне подошел директор магазина и предложил: "Валентина, давайте я проведу вас через черный ход, и никто не заметит. Иначе вас не отпустят". Я согласилась. Директор вынес мне два огромных кулика с продуктами. Тогда я представила, какими глазами будут смотреть на меня люди, когда я выйду с этими огромными сумками. И я отказалась.

— Валентина Михайловна, какие привилегии были у ведущего диктора Советского Союза? Вам предоставили машину с шофером, дачу, квартиру?..

— Нет-нет-нет, ничего у меня не было, да я никогда и не просила. Я все делала для других, а не для себя. Я всех своих бывших друзей обеспечила машинами, дорогими шубами... Были времена, когда эти вещи невозможно было купить, а мне это ничего не стоило. Вообще, всю жизнь я всегда только отдавала. Себе ничего не оставляла. Ничего для себя не делала. Не хотела. Клянусь вам! Я все отдала друзьям. А после этого они перестали со мной не то что дружить, а даже разговаривать, звонить... Это очень больно.

— Вы имеете в виду каких-то известных людей?

— Нет-нет. Вы их не знаете. Да это и неважно. Я всегда жила для людей. Недавно со мной произошел такой случай. Два месяца назад на улице меня остановила женщина и начала рассказывать про свою жизнь, как ей одиноко. Я очень торопилась, но не могла прервать ее. Я понимала, что ей надо выговориться. У нее никого не было — ни матери, ни отца, ни детей, ни братьев, она была одинокая-одинокая. Я выслушала ее историю. И представляете, у нее изме-

нились глаза. Тогда я подумала: как хорошо, что я не ушла! Мне кажется, вот так надо жить.

— Валентина Михайловна, что это за неприятный инцидент, связанный с медведем, произошедший с вами в 60-х годах?..

— Это было в большой студии на Шаболовке. Снимали передачу "Наш друг — ГДР" с участием гималайского медведя. До прямого эфира оставалось 15 минут. Я держала бумажки в правой руке. Медведя я абсолютно не боялась. Когда я проходила мимо животного, он вдруг сорвался с места и схватил мою руку. У меня до сих пор остался шрам. Я тогда даже не пошла в больницу. А мой муж, узнав об этом случае, позвонил на телевидение и спросил: "Как там она, медведя не задрала?.." Мне сделали перевязку, а я думала только об одном: как бы зритель не заметил раненую руку. Я отработала двухчасовую передачу и правую руку все это время прятала за спину.

— Говорят, после этого случая на советском телевидении вышел приказ, запрещающий приводить животных в студию?

— Да, Сергей Лапин, тогдашний руководитель Гостелерадио, после этого говорил: "В студию пускаем только кроликов".

— Это правда, что в то время оговорка в прямом эфире стоила диктору карьеры?

— Никогда не слышала об этом. Ничего подобного не было. Дикторы все тексты читали по бумаге, только я одна говорила своими словами. А прочитать-то все могли нормально.

— Неужели вы никогда не читали по бумажке?

— Никогда. Именно поэтому я отказалась вести программу "Время", где нужно было читать политические новости. Мне это было не интересно. Тогда пошел Игорь Кириллов. А я сказала, что хочу говорить только своими словами. Меня тогда поняли. Однажды на телевидение позвонил мужчина: "Валю, что ты творишь?! Ты сегодня с экрана со мной так поздравилась, что я сказал: "Здравствуй, здравствуй, Валечка". Родные подумали, что я сошел с ума". Для меня это было самое прекрасное признание. Ради этого я и работала. Мне не нужны были слова, заранее подготовленные и написанные на бумажке...

— Пик вашей карьеры пришелся на передачу "От всей души"?

— Я не знаю — это со стороны виднее. Меньше всего я думала о рейтинге программы. Мне доставляло радость простое общение с людьми. Однажды с помощью нашей передачи нам удалось найти сына одной пожилой женщины. Мать и сын не виделись 50 лет. Я так радовалась, так волновалась, когда произошла их встреча!

— Вы могли расстроиться, заплакать в эфире?

— Нет, я никогда не плакала. К тому времени я стала делать себе накладные ресницы, красила их черной тушью. Если бы я заплакала, у меня бы потекли темные слезы. Конечно, иногда я испытывала состояние напряжения. Но, когда я начинала говорить, сразу удавалось сосредоточиться.

— Вы себе нравились на экране?

— Я старалась не смотреть программы с моим участием. Не хочу. Мне кажется, это ужасно. Я ненавижу себя на экране.

— Как удавалось скрывать от камеры плохое настроение?

— У меня никогда не было плохого настроения. Любый выход в эфир для меня — счастье. Какое может быть плохое настроение?!

— А если что-то в семье не заладилось?..

— Для меня на первом месте всегда была работа. Даже когда я забеременела, не взяла ни одного дня декретного отпуска. На эфиры я приходила с большим животом. Меня снимали только по пояс. Когда я родила, то на следующий день сразу вышла на работу.

— Одно время за вами ухаживал Булат Окуджава?

— Мы жили на Арбате, там я с ним и познакомилась. Булат прошел войну, потом долго лежал в больнице. Он был маленького роста, худенький, шинель у него волочилась по земле. Все мы тогда были очень голодные... Я жила со своей тетей Лелей. Однажды я накормила Булата. С тех пор мы стали дружить. Какие он мне потрясающие стихи писал! Я до сих пор храню многие. Через какое-то время я уехала в другой город, а когда вернулась, мой сын Митя сказал: "Булат умер". Я даже не смогла его похоронить. А ведь мы были очень близкими людьми. Но никаких любовных отношений между нами не было.

— В 1965 году вы уехали в Нью-Йорк на длительное время. Вернувшись, вы сказали, что это было худшее время в вашей жизни.

— Это было чудовищное время! Я ненавидела Соединенные Штаты, я ненавидела Бродвей, я все там ненавидела. Вообще, я поняла, что не могу жить за границей. Я посетила много стран, но больше трех дней нигде не выдерживала. Мне становилось плохо. Я хотела домой. Например, после двух дней пребывания в Париже я сказала, что у меня завтра прямой эфир, и вылетела в Москву. Хотя никакого эфира не было. Одна моя ученица уже много лет живет во Франции, а я всегда думаю: как же она там может жить, это ведь совсем другая страна?! Я хочу быть в России, хочу быть рядом с русскими людьми.

— Однако в Нью-Йорке вы прожили почти два года?

— Что вы! Всего девять месяцев, после чего сказала мужу, что больше здесь оставаться не могу. А сколько там было тараканов — боже мой! Я никогда в жизни не видела столько тараканов, сколько в Нью-Йорке. А еще помню, как мой сын побежал играть к детям в песочницу, а вернулся с мокрыми от слез глазами. Он ничего не понял, он был в ужасе, потому что все дети говорили на английском языке. Правда, через два месяца он выучил язык, в отличие от меня. Я до сих пор не знаю ни одного иностранного языка. Да и не хотела я этим заниматься.

— Вы не были знакомы с нашими генсеками?

— Лично — нет. Ведь я даже не вступала в партию. Однажды Лапин меня спросил: "Валю, а сколько лет вы в партии?" Я ответила: "Сергей Георгиевич, я не состою в партии". — "Как! Вы не в партии?!" — возмутился он. — Надо обязательно вступить". — "Нет, уже поздно", — ответила я. Кстати, когда к нам в дикторский отдел приходили новички, первым делом все хотели получить партийный билет. Однажды меня Лапин попросил взять интервью у каких-то великих людей в Кремлевском дворце. А доступ туда был только по партбилетам. Помню, подхожу я к охране, а там — два солдата. "Боже мой, кого мы видим, это вы, Валю Леонтьева?!" — воскликнули они. В итоге пропустили меня без партбилета...

— Лапин к вам относился как-то особенным? Правда, что из-за этой близости к начальству у вас возникали конфликты с коллегами?

— Все, кто мне страшно завидовал, говорили: "Да она любовница Лапина!" Все считали, что я сплю с ним, хотя он был намного старше меня. Вообще же он был удивительным человеком. Помню, когда погибла его дочь — она упала в шахту лифта, — мы все были на похоронах. И там Сергей Георгиевич говорил: "Ну что вы все такие грустные, жизнь есть жизнь. Случилось — да, случилось, но надо жить дальше".

— Потом обстановка на телевидении сильно изменилась?

— Ничего прежнего не осталось. Это было ужасно. Тем более после смены руководства. Тот человек, который занял пост Лапина, в один день снял все мои передачи — "Спокойной ночи, малыши!", "В гостях у сказки" и "От всей души". Но я не стала плакаться и жаловаться. Я просто ушла с телевидения — мне нечего было там делать.

— Правда, что недавно вы отказались от съемок в рекламе?

— Мне не предлагали. Хотя я бы в любом случае отказалась, несмотря на то что мне сейчас очень нужны деньги.

— В 1997 году вы с Игорем Кирилловым вели программу "Телескоп" на РТР — почему ее закрыли?

— Откуда я знаю? Закрыли, и все. Мне не объясняли. Я никогда не хожу, не спрашиваю: "Почему вы так сделали?!"

— Говорят, что у вас аллергия на алкоголь, и за всю жизнь вы не сделали ни одного глотка шампанского?

— Действительно, я не могу пить. И ни разу не попробовала даже шампанского.

— За 80 прожитых лет появились чувства, что вы что-то не успели сделать?

— Я никогда не задумывалась над этим. Честно говоря, сегодня мне исполняется 80 лет, но я даже не чувствую этого возраста.

— Как отметите юбилей?

— Понятия не имею. Я ничего не хочу. Если кто-то придет — хорошо, не придет — ну и не надо. Кстати, мне руководство Первого канала телефонный аппарат подарило. За это им спасибо. А то у меня какой-то кошмарный, совсем старый стоял. Еще какую-то еду притащили. Наверное, Эрнст позвонит, поздравит. А подарков мне никаких не надо — я никогда ничего не прошу. Господь с вами...

Ирина БОБРОВА.